

Ознакомившись с сюжетом этого мира, Тан Цзю затрясся от негодования. Гнев так и забурился в нем, требуя немедленно выбежать наружу и прибить этих двоих мерзавцев. По сравнению с тем, что выпало на долю Линя Цзиньчжи, его собственные прежние невзгоды казались сущими пустяками! В прошлой жизни ему попадались обычные изменщики, но этот коронованный пес превзошел всех: разрушил человеку блестящее будущее, сделал безвольной тенью чужого возлюбленного, лишил свободы, истерзал душу и тело, а напоследок и вовсе сжил со свету!

Настоящее проклятие — встретить таких тварей. Линь Цзиньчжи, должно быть, искупал грехи за восемь прошлых жизней!

Тан Цзю едва сдерживал желание начистить наглецу физиономию, но Янь Юйсюань оставался императором — абсолютным владыкой этого застрявшего в феодализме мира. Силой тут ничего не решишь, придется действовать тоньше, зайти с другой стороны.

С трудом подавив kloкочущую ярость, он подошел к бронзовому зеркалу. Из глубины отражения на него взглянул незнакомец: смоляные пряди ниспадали на плечи, взгляд мерцал холодной звездной глубиной, а благородные черты лица казались почти неземными. Настоящий небожитель, не знающий земной суеты.

Система 233 долго наблюдала за молчанием Тан Цзю. Решив, что подопечный растерялся перед лицом столь сложной задачи, ИИ уже приготовился утешить его, как вдруг юноша бережно коснулся ладонью щеки и восхищенно выдохнул:

— Мамочки... До чего же Линь Цзиньчжи хорош!

[Система 233:.....]

Любоваться самим собой в зеркале было делом довольно глупым. Тан Цзю с сожалением вздохнул и вернулся к делу:

— На каком этапе сюжета мы сейчас находимся?

[Брак Линя Цзиньчжи и Янь Юйсюаня длится уже три года. В данный момент император совершает поездку по южным провинциям. Иными словами, совсем скоро он вернется в столицу вместе с Шэнь Кэ]

Слухи об этом, разумеется, летели впереди монаршего поезда. И при дворе, и в гареме только и шептались, что государь встретил на юге писаного красавца, лишился от любви покоя и твердо вознамерился сделать юношу своим наложником.

Сотни глаз теперь тайно следили за Линем Цзиньчжи. Всем не терпится узнать, как примет эту новость супруг императора, безраздельно властвовавший в его сердце последние три года.

Положение отчаянное. Стоит оступиться хотя бы раз, совершить одну оплошность — и колесо судьбы покатится по проторенной колее, ведя к неизбежной кровавой развязке.

Для самого Тан Цзю провал означал лишь потерю очков удачи — он мог просто уйти в другой мир и начать все заново. Но для настоящего Линя Цзиньчжи это был единственный, неповторимый шанс на спасение.

Если Тан Цзю опустит руки, великий ученый и первый лауреат императорских экзаменов навсегда сгинет в пламени пожара, оставив после себя лишь горстку пепла.

Сделав несколько глубоких вдохов, Тан Цзю заставил себя успокоиться и принялся тщательно анализировать полученные сведения. Когда он сосредотачивался на серьезном деле, его легкомысленность бесследно испарялась. Взбалмошный молодой господин преобразился, явив взору холодное самообладание, на удивление созвучное характеру самого Линя Цзиньчжи. Система 233 даже зафиксировала легкое недоумение от столь резкой перемены.

— Саньсань, как думаешь, чем император дорожит сильнее всего на свете?

[И чем же?]

— Властью, — усмехнулся Тан Цзю. — Такой эгоист, как Янь Юйсюань, на дух не переносит даже мысли о том, что кто-то посягнет на его престол.

Нынешний правитель отличался крайней подозрительностью и жестокостью. Взойдя на трон, он безжалостно избавился от пяти единокровных братьев, некогда претендовавших на власть. Двоих казнили по обвинению в государственной измене, еще двоих сослали в такую глушь, где волки выть боятся. В живых и при деле в столице остался лишь один.

Системе потребовалось меньше мгновения, чтобы выудить нужное имя из терабайтов архивных данных:

[Князь Дуань, Янь Юйчэнь?]

— Именно, — подтвердил Тан Цзю.

Янь Юйчэнь был самым младшим из принцев Великого Ляна. С юных лет он заслужил славу неисправимого повесы и бездельника. Книги его не интересовали, в верховой езде и стрельбе из лука он тоже не преуспел. Его стихией были веселые пирушки, театр да визиты в дома свиданий. В придворные интриги он демонстративно не вмешивался, благодаря чему император так и не нашел предлога срубить брату голову. Пришлось даровать ему титул князя Дуаня и выделить роскошное поместье в столице.

Однако выжить в подобной мясорубке, да еще и сохранить беззаботный вид — задача не из

простых. Это доказывало, что князь Дуань далеко не так глуп, каким хотел казаться. Либо он вел тонкую игру ради собственного спасения, либо попросту копил силы, выжидая удобного момента для решительного броска к престолу.

Для Тан Цзю это был великолепный шанс.

Истинный Линь Цзиньчжи славился замкнутым нравом и мог сутками напролет просиживать за изучением древних фолиантов. Однако Тан Цзю, привыкший к вечному движению, не желал томиться в четырех стенах. Оказавшись в древней империи, он сгорал от любопытства и твердо решил осмотреть знаменитый Императорский сад.

Дворцовый парк поражал величием. Причудливые деревья, резные беседки, искусственные скалы и изящные пруды складывались в безупречный ансамбль, от которого захватывало дух. Наслаждаясь прогулкой, Тан Цзю неторопливо шагал по вымощенной плитами дорожке, а следом за ним безмолвными тенями тянулась вереница слуг и стражников. Но стоило им обогнуть живописное нагромождение камней, как навстречу грациозной походкой вышла молодая женщина.

Нежно-розовые шелка подчеркивали хрупкость ее фигуры, а тонкие изгибы бровей и влажный блеск глаз выдавали кроткую, податливую натуру. Приблизившись к Тан Цзю, она плавно склонилась в глубоком поклоне:

— Приветствую императрицу.

Поскольку Линь Цзиньчжи был мужчиной, традиционное обращение «матушка» звучало бы нелепо, поэтому двор именовал его исключительно «императрицей».

Покопавшись в чужих воспоминаниях, Тан Цзю припомнил, что перед ним наложница Юй. Раньше они почти не пересекались, поэтому он, сохраняя маску ледяного безразличия, едва заметно кивнул и намерился пройти мимо. Однако гостя преградила ему путь, заискивающе улыбаясь:

— Позвольте задержать вас, Ваше Величество.

Тан Цзю замер и перевел на нее невозмутимый взор.

Несмотря на высокое положение и безграничную благосклонность правителя, Линь Цзиньчжи не жаловал роскошь. Многочисленные подношения из парчи и шелков пылились в сундуках — сам он предпочитал простые одежды небесного оттенка. Однако благородная стать и утонченное лицо превращали даже столь скромный наряд в одеяние небожителя. Казалось, перед наложницей предстал сошедший на землю бессмертный дух. А когда этот ледяной,

изучающий взгляд устремлялся на собеседника, в памяти невольно всплывали кристально чистые, скованные стужей горные озера. Красиво — и смертельно холодно.

Наложница Юй невольно поежилась под его взглядом. Натянутая улыбка на миг застыла на ее холемом лице, а в душе вскипела жгучая зависть. Она терпеть не могла этого выскочку. Мужчина, а сумел привязать к себе государя сильнее любой женщины! Настоящий лис-оборотень, не иначе. Наверняка в спальне пускает в ход самые низкие уловки, а прилюдно корчит из себя праведника и смотрит на всех как на грязь под ногами. Какая мерзость!

Впрочем, вспомнив о последних слухах, наложница мысленно злорадствовала. Ее дыхание выровнялось, а губы расплылись в ядовитой усмешке. Сладким голосом она пропела:

— Ваше Величество, дошли ли до ваших ушей последние столичные новости?

Тан Цзю даже бровью не повел, не выказав ни малейшего интереса к ее речам. Мысленно проклиная его высокомерие, наложница Юй продолжила:

— Поговаривают, Его Величество во время своего путешествия встретил прелестного юношу. Наш повелитель пленился им с первого взгляда! Теперь они неразлучны, вместе любят пейзажами, и государь осыпает его такими милостями, что... боюсь, прежнее расположение к вам, Ваше Величество, покажется блеклым на этом фоне.

Она замолчала, украдкой взглядываясь в лицо супруга императора в надежде уловить хоть тень ревности или растерянности. К ее глубокому разочарованию, Тан Цзю оставался невозмутим. В его глазах читалась лишь холодная усмешка.

— И ты, конечно же, видела это собственными глазами? — небрежно поинтересовался он.

Сбитая с толку его спокойствием, наложница растерялась:

— Разумеется, нет... Мне лишь передали слова очевидцев...

Тан Цзю прищурился, и в его голосе зазвучал металл:

— Государь отправился на юг, дабы лично проверить нужды простого люда и оценить усердие местных чиновников. Все его помыслы устремлены на благо и процветание Великого Ляна. Но из твоих речей следует, будто Его Величество пренебрегает государственными делами ради плотских утех и праздного веселья?

Женщина побледнела. Стремясь уколоть ненавистного соперника, она совершенно позабыла об осторожности, и теперь осознала, какую глупость совершила. Смертельно испугавшись собственной оплошности, она рухнула на колени:

— Ваше Величество, пощадите! У меня и в мыслях не было ничего подобного! Я лишь... лишь повторила чужие глупые сплетни!

— Собирать праздные слухи и беззастенчиво разносить их по дворцу — верх дерзости. Ты выказала пренебрежение и к приличиям, и к самому императору! — Тан Цзю резко взмахнул широким рукавом халата. — Ван Фухай!

— Я здесь, Ваше Величество, — отозвался главный управляющий Ван Фухай, торопливо выступая вперед и склоняясь в глубоком поклоне.

Ван Фухай был доверенным слугой императора, и именно ему перед отъездом поручили заботу о покое супруга. Старый евнух повидал на своем веку немало интриг. Разумеется, сплетни о новом фаворите долетели и до него, но опытный царедворец слишком хорошо знал цену монаршей милости, чтобы спешить с выводами. Пока государь самолично не объявит свою волю, не стоило сбрасывать со счетов Линя Цзиньчжи, безраздельно властвовавшего во дворце три года. Выбор стороны в этой игре для него был очевиден.

— Наложница Юй пренебрегла дворцовым уставом и очернила имя государя, — ледяным тоном объявил Тан Цзю. — Приказываю заточить ее в собственных покоях на полмесяца для смирения духа. До истечения этого срока ей запрещено переступать порог дворца!

— Слушаюсь и повинуюсь! — звонко выкрикнул Ван Фухай.

Он с искренним состраданием взглянул на незадачливую наложницу и махнул рукой стоявшим поодаль слугам:

— Негодные, чего застыли? Живо проводите матушку Юй в ее покои! Пусть приступает к покаению!

Женщина оцепенела от ужаса. Прежний Линь Цзиньчжи никогда не опускался до дрызг с наложницами, высокомерно игнорируя любые нападки. Столь суровый отпор застал ее врасплох. Теряя остатки самообладания, она запричитала:

— Пощадите, Ваше Величество! Я не желала зла! Мой язык — мой враг, сжальтесь!

Но мольбы остались без ответа. Ловкие евнухи поймали предостерегающий взгляд управляющего, подхватили рыдающую женщину под руки и спешно утащили прочь.

Тан Цзю удовлетворенно вздохнул. Настоящий Линь Цзиньчжи брезговал связываться с гаремными сплетницами, почитая это ниже своего достоинства, но Маленький молодой господин Тан не обладал столь возвышенным терпением. Он с пеленок рос капризным баловнем и не привык прощать обиды. Попытаешься укусить — получишь такой отпор, что мало не покажется!

Отец в свое время частенько в сердцах называл его упрямым ослом, и, надо признать, имел на то все основания.

Вдруг из-за деревьев донесся негромкий смешок.

Тан Цзю удивленно вскинул брови и повернулся на звук.

В тени цветущих диких яблонь стоял молодой мужчина.

На нем был роскошный темный халат, расшитый узорами плывущих облаков, талию перехватывал пояс с пластинами из безупречного белого нефрита, а длинные волосы были собраны под изящной золоченой заколкой. Мужчина обладал яркой, благородной красотой и тем особым, неуловимым шармом, который выдавал в нем искушенного столичного щеголя. Окруженный алым облаком цветов, он, казалось, затмевал своей статью весеннее великолепие сада.

Заметив на себе взгляд Тан Цзю, незнакомец улыбнулся еще теплее и неторопливо направился к нему. Сблизившись, он вежливо склонил голову:

— Младший брат приветствует императрицу.

<http://bllate.org/book/20582/2106116>